

родственными отношеніями, заводить въ домъ грязь... Это что? Это какъ называется?

Лена вся помертвѣла, не будучи въ состояніи вымолвить ни одного слова. Могла ли она возражать, когда такъ грубо, такъ пошло насмѣхались надъ ея святыею, надъ ея чистою любовью и уваженіемъ къ лучшему человѣку, котораго она знала? Нѣтъ, для этого не было у нея словъ.

А Володя продолжалъ еще неумолимѣе и насмѣшливѣе.

— Что? Ты молчишь? Неужели ты думала, что все это тайна? О, наивность! Меня не проведешь. Давно я все это вижу—всѣ ваши амуры, шушуканья, прогулки на лодкѣ во тѣмъ ночной... Но я все молчалъ, надѣялся, что вы опомнитесь. Однако, нѣтъ. Романъ начинается заходить далеко. Глупая! понимаешь ли ты, что тебя ведутъ на погибель? Знаешь ли ты, какой низкій и грязный человѣкъ Діодоръ Павлычъ? Вѣдь онъ тебѣ дядя родной, а между тѣмъ безчестно увлекаетъ тебя, пользуясь твоей глупостью и наивностью...

— Ты лжешь!—крикнула Лена сдавленнымъ голосомъ, вся дрожа отъ негодованія.—Ты лжешь, негодяй!..

Володя вспыхнулъ и ближе подошелъ къ Леночкѣ.

— Я лгу? А это что? — онъ вынулъ изъ кармана смятые листы исписанной бумаги и показалъ ихъ сестрѣ. Лена узнала свой дневникъ.—Это что? Тутъ всѣ твои признанія и нелѣпныя мечты бѣжать съ дядюшкой въ невѣдомыя страны, текуція медомъ и млекомъ. Противъ этого ты ничего не можешь возразить... Ха-ха-ха! Сумасшедшая дѣвчонка! Вотъ онѣ, всѣ твои мечты...

Лена простонала и чуть-было не упала... Она бросилась къ Володѣ, чтобы вырвать у него свой дневникъ, но онъ, злобно смѣясь, оттолкнулъ ее отъ себя и спряталъ листки въ карманъ.

— Вотъ тебѣ за всѣ твои записки! Называй теперь меня злодѣемъ, подлецомъ, — какъ хочешь, мнѣ все равно. Послѣ, когда ты опомнишься, ты поймешь, что я былъ правъ. А теперь пора кончить эту комедію. Никуда ты не убѣжишь. Завтра твой возлюбленный дядюшка покинетъ наши прекрасныя мѣста и очутится вмѣсто Аркадіи въ острогѣ. А ты... тебя запрутъ до тѣхъ поръ, пока ты не отрезвишься и не оставишь своихъ глупыхъ фантазій...

Туманъ застлалъ глаза Лены; все закружилось предъ нею. Ненависть, отчаяніе нахлынули на нее огромною волною, и она захлебнулась въ ней. Не помня, что дѣлаетъ, она схватила револьверъ, лежавшій на этажеркѣ, и бросилась впередъ.

— Предатель!...—прохрипѣла она.